

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е51

Оформление и иллюстрация Виктории ЛЕБЕДЕВОЙ

Рисунки на переплёте Михаила ЕЛИЗАРОВА

Елизаров, Михаил Юрьевич.

Е51 Мульттики : [роман] / Михаил Елизаров. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 269, [3] с. — (Читальня Михаила Елизарова).

ISBN 978-5-17-123304-4

Михаил Елизаров — прозаик, музыкант, автор романов “Земля”, “Библиотекарь” (премия “Русский Букер”) и “Pasternak”, сборников рассказов “Ногти” (шорт-лист премии Андрея Белого), “Мы вышли покурить на 17 лет” (приз читательского голосования премии “НОС”).

“«Мульттики» — самая впечатляющая метафора перестройки из тех, что я знаю. Роман-комикс по сути являет собой классическую для русской литературы модель «романа воспитания». Только наоборот”. (Алексей Колобродов)

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-123304-4

© Елизаров М.Ю.
© ООО “Издательство АСТ”

В мае восемьдесят восьмого года я окончил седьмой класс, сдал на четвёрку экзамен по алгебре и навсегда простился с родной школой. С сентября меня ждал другой город и новая, неизвестная жизнь. Родители после долгих уговоров разрешили мне провести летние каникулы у бабушки в уютном маленьком Краснославске, где так счастливо и быстротечно прошло моё детство.

Нашу огромную краснославскую квартиру в тихом кирпичном центре родители поменяли на двушку в панельном доме на окраине промышленного мегаполиса. Там мне предстояло закончить десять классов и поступить в институт. В любом случае считалось, что в крупном городе у меня больше перспектив, чем в провинциальном Краснославске, где даже нет высших учебных заведений, а только техникумы.

В начале июня мы всей семьёй по путёвке съездили на Чёрное море, потом вторую половину отпуска родители обживали новое место, чтобы в июле приступить к работе. Отца взяли инженером на военно-ремонтный завод, а мама устроилась экономистом в финансовый отдел коксохимического института.

Как же я горевал, что мне приходится покинуть Краснославск! Здесь оставались мои школьные и дворовые товарищи, казавшиеся мне самыми замечательными и верными, точно из фильмов про пионерскую дружбу. Каждый день я выжимал до последней минуты. С утра до вечера мы гоняли мяч на школьном стадионе, а затем всей компанией шли купаться на озеро или же велосипедной эскадрилей мчались за двадцать километров на реку Ильму ловить рыбу, жгли высокие, до звёзд, костры, пекли картошку, и я говорил ребятам, что не забуду их и обязательно приеду погостить на следующий год.

За каких-то три летних месяца из невысокого плотного мальчика я вдруг превратился в крепкого приземистого паренька. Это произошло во многом благодаря тому, что каждый день мы собирались у турника и играли в “прогрессию”. Суть игры состояла в том, что заранее оговаривалось максимальное число подтягиваний — допустим, десять, и мы по очереди подходили к турнику — сначала выполнялось одно повторение, потом два, три, четыре и так до десяти. Это когда заявлялась только прогрессия “наверх”. Обычно устраивали полную “прогрессию” — вверх и вниз. Так было куда сложнее, ведь если посчитать количество повторений, то полная прогрессия “на десять” включала сто подъёмов, а это было уже немало. Мы играли всё

лето, и к концу августа я легко справлялся с прогрессией “на пятнадцать”, причём навёрх и вниз, а за один подход легко подтягивался до тридцати раз. Дома я с удивлением рассматривал в зеркале своё внезапно повзрослевшее тело с небольшими, но очень рельефными мускулами, какие бывают у гимнастов.

Двадцать шестого августа нагрянул отец, погостил денёк у бабушки и забрал меня. Бабушка проводила нас на поезд, и я расстался с Краснославском. Ехали мы около суток, по дороге отец рассказывал мне, как славно мы заживём в большом городе, где есть метро и оперный театр.

Город, в котором мне предстояло жить, в десятки раз превосходил уютный зелёный Краснославск, но величина его была какая-то раздутая и в основном достигалась за счёт бесконечных многоэтажных районов, тянувшихся на долгие километры. Наверное, с высоты эти двенадцати- или девятиэтажные дома напоминали воткнутые в землю надгробья, одинаковые, как на братских могилах. Даже само название “спальный район” лишь усиливало ощущение какой-то коллективной усыпальницы. Повсюду стоял удушливо-сладковатый запах жжёной резины и мазута, словно умер неодушевлённый предмет, какой-нибудь гигантский механизм с дизельным сердцем.

Наша квартира была уже вполне обустроенной, хотя и совершенно чужой. Родные с детства краснославские вещи — диваны, стулья, лампы, шкафы — походили на палестинских беженцев, точно говорящие чашки и утюги из мультика про неопрятную тётку Федору. Мне отдали меньшую комнату, а родители поселились в гостиной.

Первого сентября я пошёл в новую школу. Одноклассники приняли меня холодно. Хотя как ещё они должны были принять новичка? Я был маленького роста и по меркам девочек не особо симпатичным. Кроме того, я был с лета коротко подстрижен и на общешкольной линейке краем уха расслышал, как кто-то из моих рослых вихрастых одноклассников под общий смех шепнул, что я похож на детдомовского. Вдобавок на мне была синяя школьная форма, а все были одеты в нормальную модную одежду. Я решил не реагировать на насмешки и познакомиться с теми, кто выглядел не особо заносчивым, поговорить, но никто не проявил ко мне интереса, а сам я не привык навязываться.

Первым был урок истории. Я занял свободное место на предпоследней парте. Соседа у меня не оказалось. От навалившегося одиночества мне сделалось немного тоскливо, но я успокаивал себя тем, что уже к концу четверти все разберутся, что я нормальный хороший человек, и у меня появятся приятели.

На уроках я заинтересовал всех только своим именем — Герман. Каждый учитель во время переключки сообщал: “Какое у тебя редкое имя”, а я кивал и старался не обращать внимания на ироничные взгляды одноклассников: мол, надо же, как его назвали — Германом.

В тот же вечер я подрался, и это была первая серьёзная драка в моей жизни. Получилось это так. Мама попросила меня сходить за хлебом в универсам. С двумя батонами в пакете я возвращался к дому и с грустью вспоминал маленькую “Булочную” в Краснославске. Всё было чужим: бесконечные одинаковые высотки, лобастые троллейбусы,

с грохотом теряющие рога на поворотах, прохожие, которые не говорят, а кричат. В Краснославске вдоль улиц росли липы и каштаны, а здесь лишь тополя. И урны были не такие, как в Краснославске, не чугунные чаши-мортиры, а просто облупленные бетонные бочонки. В автоматах с газировкой не было стаканов. Даже пирожок, купленный в передвижном лотке, в тон враждебному городу оказался холодным, жёстким и невкусным, и обернули его коротким обрывком кассовой ленты, на которой проступили жирные пятна, схожие с водяными ленинскими профилями, какие бывают на крупных купюрах.

Возле подъезда ко мне обратился какой-то подросток моих лет — может, на год младше. Я сразу попался на удочку его лживого дружелюбия. Он представился кличкой “Шева”, сказал, что живёт в соседнем доме, спросил: “Недавно приехал сюда?” — и я ответил, что три дня назад. Он оживился и заявил, что хочет познакомить меня с остальными ребятами. Как я узнал позже, понятие “наш двор” составляли пять соседствующих девятиэтажек. И мы двинули с Шевой куда-то за гаражи. Я не чувствовал никакого подвоха и всю дорогу откровенно трепался с простоватым на вид Шевой о Краснославске.

Через несколько минут мы пришли к задворкам гаражного городка. На расставленных полукругом ящиках и бетонных брусках сидели обещанные Шевой “ребята”. Их было человек восемь или десять, двум самым старшим было около двадцати. Все курили, в ногах у старших стояли мутно-зелёные бутылки портвейна. В мягкой чёрной земле виднелись следы прежних бутылок, похожие на отпечатки

лошадиных копыт. Всюду валялись окурки и битое стекло. Железные бока гаражей и бетонные плиты забора, за которым начиналась стройка, покрывали похабные надписи, буквы были широкими и лохматыми, точно их рисовали тряпкой или шваброй. Чуть пахло мочой и бензином. Со стройки не доносилось ни звука, разве что слышался ржавый скрип стального троса на подъёмном кране.

— Новый, — сказал обществу Шева. — Говорит, только приехал.

— Как зовут? — спросил старший парень. Он был в жатом спортивном костюме красного цвета и шлёпанцах. И лицо у него было такое, словно он вспомнил что-то смешное, но не хочет пока рассказывать. На крупной бульдожьей голове с голубыми искорками прищуренных глаз несколько забавно смотрелись светлые, будто чуть смоченные водой кудряшки. Безымянный палец левой руки украшал крупный самоварного цвета перстень.

Я ответил: “Герман” — и по краснославской привычке хотел ещё прибавить, что так, к примеру, звали космонавта Титова, но не успел.

— Ну что это за имя?! — фыркнул темноволосый сосед кудрявого. Он был в спортивных штанах с тремя белыми лампасами, синей майке со значком “адидас”, и на его ногах были кроссовки. Красивое лицо парня портил острый, утюгом, подбородок. — А фамилия?

— Рымбаев.

— Чурка? — Он неприятно улыбнулся.

— И вовсе не чурка, — обиделся я. — Просто фамилия такая... Восточная.

Фамилия “Рымбаев” досталась мне от маминого отчима, очень хорошего человека, по словам родителей. Он женился на бабушке, когда маме было восемь лет, относился к ней как к собственной дочери, и мама из уважения к дедушке Рымбаеву в своё время взяла эту фамилию. У папы своя фамилия была Хлопик — в общем-то смешная фамилия, что-то среднее между хлюпиком и клопиком, особенно если учесть, что папа был невысокого роста, настоящий хлюпик-клопик, как и всё наше семейство. Детство и юность папа промучился с этим Хлопиком. Встретив маму, он взял её фамилию и стал Рымбаевым. При этом у нас в роду с обеих сторон были только русские люди, и у меня, и у папы с мамой были светлые волосы и серые глаза...

Мне ещё не приходилось оправдываться за фамилию. Я уже думал, как преподнести ребятам нашу семейную историю, так, чтобы не упоминалась стыдная правда про Хлопика, но меня пребольно ударили сзади ногой прямо в копчик. Я нелепо вздёрнулся и схватился руками за ушиб, так и не выпустив пакет с батонами.

— Сма-а-ачный поджопничек! — сказал кто-то.

Пацаны заржали. Очевидно, я выглядел смешно и жалко с руками на ушибленном копчике, с качающимся, как маятник, пакетом. Я обернулся и понял, что бил Шева.

— О, Герман щас заплачет, — прыснули на ящиках.

— Ну чё, сука?! — Шева глумливо оскалил. — Деньги сюда давай! Остались после хлебушка?

В тот вечер я сам для себя выяснил несколько вещей. Во-первых, что со мной так нельзя. И второе — я умею бить.

Бросив батоны на землю, я засадил кулаком Шева в лицо. Мне показалось, что я ударил хоть и несильно, но как-то твёрдо. Под кулаком хрустнуло, словно раздавилось яйцо. Шева прижал ладони к носу, закричал как селезень и так, крикая, несколько раз быстро присел и встал, точно не мог без этого справиться с болью. Между его сложенных корзиночкой пальцев уже просочилась кровь. Едва Шева разжал ладони, она ручьём хлынула по подбородку на футболку.

В драку бросились сразу несколько человек. Я отбивался, как умел, сыпал удары во все стороны, уворачивался. В меня даже толком не попали, только, пытаясь схватить за рубашку, оборвали “с мясом” нагрудный карман.

В этот момент старший парень скомандовал:

— Разбежались!

— Лещ, — вкрадчиво запротестовал его сосед, — он же Шеве хобот сломал.

— А Шева сам за себя отвечает, — возразил Лещ. — Э, мелкие, мне два раза повторять? Я сказал, разбежались!

Меня тут же оставили в покое. Троица, дравшаяся со мной, выглядела не лучше Шевы. У одного был разбит нос, у двух других заплыли глаза, алели пятна на скулах. Я, честно говоря, не ожидал, что смогу так за себя постоять.

Лещ с интересом осмотрел меня:

— Прямо не Рымбаев, а какой-то Рэмбо карманный.

— Подкачанный хлопчик, — заметил сосед Леща. — Ты не обижайся, Герман, — продолжал он радушным голосом. — Мы просто с тобой знакомились. Теперь видим, что к нам во двор приехал нормальный пацан, а не бздо. Ты

Герман, а я Борман. Боксом, что ли, занимался, Герман? Выпьешь за знакомство? Давай, не стесняйся...

Я хоть и был обижен приёмом, согласился. До этого я никогда не пробовал спиртного. Борман, протягивая мне бутылку, взобрался на бетонный брус. Конечно же, я не разгадал этого манёвра. Едва я приблизился, Борман вдруг резко лягнул меня ногой под дых, быстро и хлёстко, точно бил не ногой, а плёткой. Острый нос его кроссовка, казалось, достал до позвоночника. Я захлебнулся вдохом, согнулся, но всё же не упал.

Борман выжидающе смотрел сверху вниз. Удар почти парализовал меня. Тело не двигалось. Я хотел что-то сказать, но голос тоже не подчинялся. Наконец я чуть справился с поломанным дыханием и прошептал:

— Это подло...

— А я подлый, — криво улыбнулся Борман, сунул мне бутылку и сказал: — Пей...

Кудрявый Лещ, глядя на него, одобрительно кивал:

— Не обижайся, Герман, теперь мы с тобой друзья, а Борман тебя для профилактики ёбнул, чтобы ты не забывался и помнил, кто в доме хозяин. А так ты нам друг и карманный Рэмбо. Бери бутылку, он больше не ударит.

Я взял портвейн из руки Бормана и чуть отхлебнул. В горле стало горячо.

— Нá, покури. — Лещ протянул мне раскрытую пачку “Космоса”. Я не курил, но, словно повинуюсь властному приказу, вытащил сигарету за рыжий веснушчатый фильтр.

Несколько минут Лещ спрашивал меня, из какого я города, кто родители, при этом он в глаза не смотрел, а вроде

как играл с электронными часами, запуская в них одну за другой писклявые дурашливые мелодии.

Я отвечал коротко, потом затоптал окурок, подобрал растерзанный пакет с батонами и сказал, что пойду домой. Шева уже куда-то ушёл, и вместе с ним ещё несколько пацанов. Я думал, что они решили подстеречь меня где-то в гаражных закоулках и поквитаться за сломанный Шевин нос, но мне так никто и не встретился. Возле нашего двора росли яблоньки-дички, я сорвал несколько твёрдых кислых яблок, чтобы жевать незнакомые горькие запахи портвейна и табака.

Родители, по счастью, не догадались, что я дрался. Своё опоздание я объяснил, сказав, что познакомился с ребятами из нашего двора, лазил с ними на гаражи и случайно, когда сползал с крыши, зацепился рубашкой. Мама лишь поохала над оторванным карманом и пошла за иголкой, а папа добродушно сказал: “Свинья везде грязь найдёт!” — и на этом всё закончилось.

В школе отношения с одноклассниками не задались. Всеми заправлял высокий и, наверное, симпатичный парень по фамилии Алфёров. Он считался самым сильным, при этом учился на отлично, приходил в школу в модной одежде — всякие курточки и джинсы, и за этим самовлюблённым шатеном увивались все девчонки.

Мне в нашем классе очень нравилась Наташа Новикова. Я даже не думал о том, чтобы подружиться с ней, — она была очень красивая. Помню, уже прозвенел звонок, я шёл по ряду к своей парте, на какой-то момент поравнялся с Алфёровым, оглядел меня с ног до головы и вдруг скривился: “Ой, фу-у-у...” — вытянув брезгливой дудочкой

гласную “у”, словно от меня чем-то воняло. Девчонки засмеялись, и Наташа Новикова тоже. И это было ужасно обидно.

Недавняя драка за гаражами точно освободила меня от какого-то внутреннего телесного зажима.

Я сразу двинул Алфёрову в челюсть. Он был длиннее меня чуть ли не на две головы, мой кулак пришёлся ему в подбородок, второй удар левой в скулу развернул его, Алфёров согнулся и как-то надолго замер. Я подождал секунд десять и понял, что он просто боится, что я ударю его ещё раз, и потому благообразно изображает этот скрюченный нокдаун. Злость моя прошла. Я украдкой посмотрел на Новикову, но не увидел ни восхищения, ни хотя бы удивления от моего мужского поступка, а лишь одно недоумение. В этот момент в класс вошла наша географичка и по совместительству классная руководительница Галина Аркадьевна — жгуче-чернявая тётка, поджарая, со звонким собачьим горлом. Я знал, что Алфёров её любимец. Услышав знакомый властный голос, Алфёров медленно распрямылся. Уголок его рта был густо испачкан кровью, будто он неопрятно давился вареньем.

— Женя, что случилось, кто тебя ударил?! — Географичка схватилась руками за его лицо и внимательно осмотрела, словно упавшую вазу. — Зубы покажи, зубы целы?! — Алфёров послушно, как лошадь, задрал верхнюю губу. Потом, по чьей-то подсказке, Галина Аркадьевна кинулась ко мне, схватила за воротник, точно нашкодившего первоклассника, и начала трясти: — Как ты посмел учинить драку?! Отвечай!